

А.Г. Мазур

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

**Исследование восточных языков в трудах В.В. Радлова,
М.А. Кастрена и Г.З. Байера**

Статья посвящена немецким востоковедам – ученым, членам Санкт-Петербургской академии наук – В.В. Радлову, М.А. Кастрену и Г.З. Байеру. Их фундаментальные исследования по фонетике и грамматике в области восточной филологии произвели революцию в науке того времени и заложили основу российской ориенталистики.

*A.G. Mahzur***The Research of the Oriental Languages in Works of V.V. Radlov,
M.A. Castren, G.S. Baier**

The article is devoted to german orientalist – scientists, members of St.-Petersburg Science Academy – V.V. Radlov, M.A. Castren and G. S. Baier. Their fundamental phonetics and grammar research in the field of oriental philology was scientifically revolutionar that time and created basis for russian oriental studies.

Большой вклад в развитие российской ориенталистики первой половины XVIII в. внес ученый-востоковед, академик «первого призыва» Готлиб Зигфрид Байер (1694-1738), больше известный у нас как один из создателей норманнской теории. (Теофил) Байер был родом из Кенигсберга. В 1710 г. он поступил в Кенигсбергский университет, затем продолжил свое образование в университетах Берлина и Лейпцига. Знакомился с рукописями и восточными древностями, изучал арабский, эфиопский и китайский языки, в 1713 г. начал описывать китайский лексикон и грамматику. В 1717 г. Г. Байер защитил магистерскую диссертацию, а с 1718 г. служил в библиотеке Кенигсбергского университета. Прибыв в Санкт-Петербург в феврале 1726 г., работал в Академии наук, где ему было присвоено звание «профессор восточных древностей». Байер стал первым официальным востоковедом в составе Академии наук России. Он в совершенстве знал латинский, греческий, древнееврейский, сирийский, коптский, армянский, в России занялся также изучением санскрита, монгольского (калмыцкого), тангутского языков, а также исследованиями в области маньчжурской и монгольской литературы. Правда, выучить русский он так и не удосужился.

За период пребывания в Санкт-Петербурге (1726-1738) Байер подготовил около 40 сочинений (6 отдельных изданий и более 30 статей) общим объемом около

800 страниц. Большинство из этих работ было опубликовано. Г.З. Байер в Российской академии наук стал первым китаеведом, первым тюркологом, одним из первых специалистов в области изучения истории и культуры народов Кавказа, первым обратился к изучению литературы народов Индии.

Наибольший вклад Г.З. Байер внес в развитие китаеведения. Еще до приезда в Россию, в 1718 г. он опубликовал в Кенигсберге две свои работы по Китаю. Результатом многолетнего труда Г. Байера явилась «Хинейская грамматика», известная также под названием «Китайский музеум», или «Музеум синикум», первый том которой был издан на латинском языке в 1730 г. в Санкт-Петербурге в типографии Академии наук. Для подготовки этого издания были специально отгравированы китайские иероглифы. Несмотря на все несовершенство книги, признаваемое самим автором, ее компилятивный характер, это была первая в Европе работа подобного рода, где автору удалось дать понятие о механизме языка. В книге использовались материалы, полученные Г. Байером от Л. Ланге, находившегося в Китае по поручению русского правительства. Это были, в частности, отдельные сведения о территории Китая, торговле, об императоре Канси и его сыне Юнчжэне, о пекинских иезуитах, о китайских мерах веса.

В 1731–1740 гг. в научных журналах Санкт-Петербурга и Берлина появилось еще

несколько его работ по китаеведению. Кроме того, сохранились тома китайско-латинского словаря, подготовленного Г. Байером.

Огромный вклад в развитие отечественного востоковедения внес В.В. Радлов, за всю свою жизнь собравший огромное количество материала по восточным языкам.

Именно В. Радлов организовал и возглавил знаменитую Орхонскую экспедицию в Монголию в 1891 г., в ходе которой были открыты орхоно-енисейские рунические надписи. Радлову удалось найти ключ к чтению более десяти знаков, однако первенство в дешифровке принадлежит датскому лингвисту В. Томсену, объявившему в 1893 г. об окончательной дешифровке письменности. В 1894 г. Г. Радлов, основываясь на своих и томсеновских разработках, завершил перевод и осуществил публикацию орхонских памятников. Год спустя, в 1895 г., используя кроме своих материалов данные финских экспедиций, он опубликовал переводы 40 енисейских надписей. С 1892 по 1903 г. было опубликовано пятнадцать выпусков «Сборника трудов Орхонской экспедиции».

В 1898 г. Радлов организовал Турфанскую экспедицию (Центральная Азия) во главе с Д.А. Клеменцом. Он же первым начал изучение и публикацию обнаруженных Клеменцом древнеуйгурских памятников. Большое значение для развития отечественного уйгуроведения имело подготовленное и осуществленное Радловым издание уйгурского текста сутры «Золотой блеск».

В 1899 г. Радлов опубликовал транскрипцию и перевод надписи на стеле в честь тюркского кагана Тоньюкука (начало VIII в.).

Теория чередований гласных и согласных букв была применена и развита В.В. Радловым по отношению к тюркским языкам. На V Международном конгрессе ориенталистов в Берлине в 1881 г. он выступил с докладом «Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwicklung, belegt durch Beispiele aus der Türksprachen». В докладе В.В. Радлов подробно излагает основные положения работы Н.В. Крушевского о дивергенции, корреляции и подвижной корреляции звуков, об условиях, при которых происходят эти процессы, а также доказывает, что закономерности, раскрытые на материале славянских и немецкого языков, существуют и в тюркских языках (в тюркских диалектах, в казанском, волжском, мишарском говорах, в киргизском языке, в тувинском диалекте, в диалекте Уфимской губернии и др.). Радлов приводит следующие

примеры дивергентных пар: к // g kün (Tag) // bogün (heute) и др.; чередующихся коррелятов в тюркских диалектах: j//ğ (jol//ğol – Weg); o//u (ot // ut – Feuer); ö // ü (köl // kü – See) и др.; подвижной корреляции: a // ä, y // i (adym – mein, 1864; Pferd // älim – mein Volk); o // ö, y // ü (poldym – ich war // öldüm – ich starb) – в алтайских диалектах)

В.В. Радлов создал огромное количество работ по восточным языкам в целом: *Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Südsibirien* (Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи), тексты и немецкий перевод; Санкт-Петербург, 1866-1896, 7 т; *Vergleichende Grammatik der nordlichen Türksprachen. Th. I. Phonetik*. (Сравнительная грамматика северных тюркских языков. Т. I. Фонетика), Лейпциг, 1882-1883; *Wörterbuch der Kinai-Sprache* (Словарь кинайского языка); *Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachenentwicklung* (Гармония гласных и её значение для развития языков; в «Verhandlungen des fünften internationalen Orientalisten Congress»); *Zur Sprache der Komannen* (О языке куманов; в «Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft»), *Versuch eines Wörterbuches der Turkdialekte*, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei* (Древнетюркские надписи Монголии), вып. 1 и 2; *Observations sur les Kirghis* (Заметки о киргизах), *Мифология и мирозерцание жителей Алтая*, *Ethnographische Übersicht der Türkstämme Sibiriens und der Mongolei* (Этнографический обзор тюркских племен Сибири и Монголии); *Aus Sibirien* (Из Сибири); *Das Schamanentum und seine Kultus* (Шаманство и его культ); *Сибирские древности* (в «Материалах по археологии России, издаваемых Императорской археологической комиссией»); *Atlas der Altertümer der Mongolei* (Атлас монгольских древностей).

Много трудов было положено на исследование тюркских языков – «Опыт словаря тюркских наречий» (ранняя редакция и образчик «Опыта» на карточках); «Фонетическое исследование в области северных тюркских языков. Первый выпуск. Гласные» и подготовительные работы ко второй части – морфологической; список грамматических форм одного из турецких наречий, близких к куманскому языку; наброски для сообщения в Восточном отделе Русского археологического общества о древнетурецких языках в связи с восточно-туркестанскими открытиями; «Dei Rathsel des Codex Comanicus» (ста-

тъя, посвященная И. А. Бодуэну де Куртенэ, доложена в Историко-филологическом отделении Академии наук 15-28 апреля 1915 г. и сдана в типографию. В 1918 г. была взята В. В. Радловым обратно; по чувашскому языку – исследование о чувашском языке (учение о звуках, 1916), статья о морфологии чувашского языка; «Altürkische Studien VII. Die alten Turksprechen und die Sprache der Tschuwaschen» (исследование, являющееся переработкой предыдущих статей); словарь чувашского языка (на карточках); образцы карaimских говоров.

Радлова очень интересовала этимология. В своей знаменитой работе «Опыт словаря тюркских наречий» Радлов пытается найти этимологию русских слов, полагая, что все рассмотренные им лексические единицы вышли из тюркских языков. В этом отношении интересно проследить историю названий денежных единиц в древнерусском языке. Древнейшие русские названия денег связаны с разного рода названиями животных: *скоть*, *куны*, *бѣль* (последние два от названий пушных зверьков). Согласно словарю В. В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий», подобный перенос значения отмечается в тюркских языках, где слово *тин* (т. 3, с. 1360-1361) в татарском, казахском и уйгурском языках имеет значение «белка» и «копейка», а также удмуртское слово *коньы* «белка» и «копейка». Такой переход значений, вероятно, был вызван сходными условиями экономической жизни, при которых в качестве денег выступали шкурки пушных зверей. К тому же следует заметить, что названия денежных единиц неустойчивы: они изменяются с течением времени, неодинаковы они и на разных территориях. Например, в русском языке грошом называлась монета достоинством или в две копейки, или в полкопейки, а тюркское *тенге* имеет разные значения в разных языках. В казахском, татарском, башкирском, чувашском языках так называется «рубль», а в диалектах казахского языка, в каракалпакском, туркменском (в последнем это слово звучит *тен,н,е*) языках так называется «двадцатикопеечная монета». В некоторых языках оно значит «деньги вообще». К этому же тюркскому слову восходит русское *деньга* «монета достоинством в полкопейки» (слово известно по памятникам русской письменности с XIV в., когда на Руси после почти трехвекового перерыва возобновилась чеканка собственной монеты по золотоордынским образцам). От *деньга* происходит

общее название *деньги*. Что касается происхождения тюркского слова *тенге*, то мнения ученых по этому поводу расходятся.

Позже многие знаменитые филологи и лексикографы будут опираться на работы академика В.В. Радлова. Например, «Русский этимологический словарь» под редакцией немецкого ученого М.Р. Фасмера. М. Фасмер пользовался для наведения справок «Опытом словаря тюркских наречий» В.В. Радлова, который отражает словарный состав многих тюркских языков. Как характерный пример может быть рассмотрена история слова *казна* в обеих работах: М. Фасмер, пользуясь «Опытом словаря тюркских наречий» академика В.В. Радлова как справочником по тюркской лексике, выводит русское *казна* из турецкого и крымско-татарского *хазна* или же поволжско-татарского *хазина*, хотя в этом же словаре отмечены и формы, более точно соответствующие русскому слову: *половецкое* и *татарское казна*. Другой ученый Н.К. Дмитриев отмечает, что русскому *казна* соответствует «кыпчакско-тюркская форма арабского слова *хазина* «сокровище», и указывает на *половецкий язык* как на возможный источник заимствования.

Важно учитывать не только данные памятников древней письменности и диалектологии тюркских языков, но и историю предметов, с которым связано то или иное понятие. Необходимо, таким образом, обращаться к историческим и археологическим материалам, которые смогли бы указать на культурно-исторические обстоятельства заимствования данного понятия или предмета. При этом немаловажное значение имеет сам предмет, его специфические особенности, которые тоже могли меняться с течением времени.

Первым исследователем тофаларского языка был М.А. Кастрен. В 1857 г. была издана на немецком языке его книга «Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre». Кастрен был выдающимся полевым исследователем уральских языков и народов, основоположником самодийского языкознания. Ему удалось обнаружить на верхней Оби самоедское население. «Между прочим, благодаря нескольким малочисленным самоедским племенам, которые оставались до сих пор неизвестными и на которых я неожиданно наткнулся на верхней Оби, алтайское происхождение финнов приобрело математическую достоверность, – писал Кастрен. – Вследствие этого открытия теперь можно проследить почти непрерывающуюся

цепь самоедской семьи народов от Архангельска и Мезени вплоть до прибайкальской страны... Язык новооткрытых самоедов обнаруживает встречающимися в нем изменениями звуков и другими особенностями такое близкое родство между финским и самоедским, что если последний и нельзя считать членом финского корня, то, во всяком случае, нельзя не признать языком, находящимся в ближайшем родстве с финским. Из этого следует, что оба народа должны иметь общую точку исхода: а что этой точкой может быть только Алтай – это доказывается еще и некоторыми другими фактами».

Во время своей экспедиции он несколько ознакомился с татарским языком и открыл, что финский и татарский языки похожи не только в грамматическом отношении, но и обнаруживают важное сходство многих слов, что их близкое родство, по мнению Кастрена, не может подлежать никакому сомнению. Татары, как известно, принадлежат к числу древнейших алтайских народов, так же как и монголы, считаются ответвлением тюркского племени, имеющей языковое сходство с турками и татарами.

М. Кастрен полагал, что финский язык и финская древнейшая история находятся в самой тесной связи с языком и с историей татар и монголов, а может быть, и китайцев. Обоснование теории Саянского происхождения угро-финских народов требовало обращения к языкам всех народов, населяющих Алтай. Отсутствие нужного материала в научной литературе того времени вынуждали его заняться самостоятельным сбором материала.

М. Кастрен ввел в научный обиход материал языков ныне почти полностью исчезнувшей енисейской языковой семьи – котского, последних носителей которого он еще застал, и сохранившегося до сегодняшнего дня кетского.

При жизни М. Кастрена увидели свет его грамматики хантыйского, марийского и коми языков и несколько небольших исследований. Наследие Кастрена, подготовленное к печати А.Шифнером, опубликовано в 12 томах под общим заглавием «Северные путешествия и исследования д-ра М.А.Кастрена» (Nordische Reisen und Forschungen von Dr. M.A.Castren, 1853–1862). В издание вошли отчеты, дневники, письма, этнолингвистические исследования, словарь и грамматики всех пяти самодийских языков (в то время на юге Сибири был распространен ныне мертвый камасинский язык), а также словари и грамматики неуральских языков (кетского, бурятского, койбальского, карагасского, эвенкийского и др.).

В истории известны такие немецкие ученые, как Герард Фридрих Миллер, Иоганн Эбергард Фишер, Иоганн-Георг Гмелин, и многие другие, внесшие свой вклад в развитие российской ориенталистики.

Литература

1. Библиографический словарь отечественных тюркологов. – М., 1974.
2. Дёмин М. А. Первооткрыватели древностей. – Барнаул, 1989.
3. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. – М.: Наука, 1972.
4. Очерки по истории русского востоковедения. – М.: Институт востоковедения АН СССР, 1953.
5. Решетов А.М. Академик В.В. Радлов, востоковед и музейщик (Основные этапы деятельности) // Радловские чтения-2002: материалы годичной научной сессии. – СПб., 2002.
6. Тюркологический сборник. 1971. – М., 1972 (посвящен В.В. Радлову, список трудов и литературы о нём).
7. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М., 1962.
8. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – Т.2. – СПб., 1899.
9. Сибирская советская энциклопедия. – Т.2. – Новосибирск: ОГИЗ, 1931.